

Записки Карла Хоецкаго.

(1768—1776 г.).

Записки польскаго дворянина Карла Хоецкаго о Россіи обнимають время съ 1768 по 1776 годъ; онѣ изданы были въ Варшавѣ въ 1789 году въ частной (wolnej) типографіи въ маленькомъ томикѣ (въ 165 + VIII страницъ), въ восьмую долю листа малаго формата. Изданіе это, составляющее въ настоящее время библиографическую рѣдкость, неизвѣстно понынѣ въ русской исторической литературѣ, да и въ польской, кажется, оно было мало замѣчено; по крайней мѣрѣ въ сочиненіяхъ, относящихся къ исторіи Варсвой конфедераціи, мы не встрѣчали ссылокъ на это сочиненіе.

Между тѣмъ записки Хоецкаго, обнимающія его воспоминанія о восьмилѣтнемъ пребываніи въ плѣну въ Россіи, заключаютъ многочисленные данныя, относящіяся къ этнографіи, географіи, къ областному и военному управленію страны во второй половинѣ XVIII столѣтія и не лишены историческаго интереса. Вотъ данныя о біографіи автора записокъ, которыя можно извлечь изъ ихъ текста: Карлъ Хоецкій принадлежалъ къ числу дворянъ краковскаго воеводства; онъ принималъ участіе въ барской конфедераціи, находился въ томъ отрядѣ конфедератскаго войска, который осажденъ былъ русскими войсками въ Краковѣ и, послѣ сдачи этого города, попалъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ другими своими соучастниками. Въ качествѣ плѣнника Хоецкій препровожденъ былъ изъ Кракова черезъ воеводства белзское и волинское въ Кіевъ, откуда, послѣ довольно продолжительной остановки, отправился въ дальнѣйшій путь черезъ Глуховъ, Тулу, Муромъ, Нижній-Новгородъ — въ Казань. Здѣсь опять онъ остановился болѣе, чѣмъ на полъ-года и затѣмъ былъ отправленъ въ Сибирь, въ г. Тару. Вскорѣ потомъ Хоецкій, вмѣстѣ съ другими конфедератами, былъ вызванъ въ Омскъ, зачисленъ солдатомъ въ сибирскій отдѣльный корпусъ и сталъ принимать участіе въ военныхъ походахъ этого корпуса. Въ 1771 году часть сибирскаго корпуса

командирована была въ погоню за калмыками, рѣшившимися переселиться въ предѣлы китайской имперіи; преслѣдуя калмыковъ, полкъ, въ который зачисленъ былъ Хоецкій, прошелъ Киргизскіи степи, Бухару, Ташкентъ и Хиву до границъ Китая. Затѣмъ Хоецкій принималъ участіе въ походахъ русскихъ войскъ противъ Пугачева, участвовалъ во многихъ стычкахъ и слѣдилъ внимательно за ходомъ и подробностями кампаніи. Наконецъ, онъ участвовалъ въ походѣ противъ ногайскихъ татаръ, и во время этого похода, пользуясь относительною близостью къ польскимъ владѣніямъ, рѣшился бѣжать на родину. Онъ привелъ въ исполненіе свое намѣреніе въ то время, когда его полкъ расположился лагеремъ на берегахъ рѣки Калміуса; бѣжавъ въ степь, Хоецкій прошелъ пѣшкомъ весь новороссійскій край, котораго картину и представилъ въ своихъ запискахъ, и, въ исходѣ 1776 года, достигъ Крылова, у котораго тогда начиналась граница Рѣчи Посполитой. О дальнѣйшей судьбѣ Хоецкаго мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, по изъ посвященія его книги Яну Потоцкому, крайцю коронному и депутату на сеймѣ (1788 г.), мы видимъ, что Хоецкій нашелъ покровительство и поддержку со стороны этого вельможи; по крайней мѣрѣ, посвящая ему свои записки и прославляя въ панегирическомъ топѣ его великодушіе, Хоецкій говоритъ: «благодѣнія ты щедро расточаешь землякамъ своимъ, и я, удостоившись получить долю твоихъ панскихъ милостей, желаю заявить публично мою благодарность».

Записки Хоецкаго изданы имъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Воспоминаніе о дѣяніяхъ поляковъ, о ихъ неудачахъ и странствіи, сочиненіе Карла Любичъ-Хоецкаго»¹⁾. Тексту записокъ предпослано витѣватое и напыщенное посвященіе сочиненія Яну Потоцкому, о которомъ мы выше упомянули, а также изображение герба Потоцкаго и, сообразно съ обычаемъ того времени, стихи въ честь этого герба. Затѣмъ слѣдуетъ краткое предисловіе, въ которомъ авторъ передаетъ побужденія, заставившія его писать записки, а также общее содержаніе послѣднихъ. Мы приводимъ это предисловіе цѣликомъ, такъ какъ оно характеризуетъ точку зрѣнія и степень развитія автора. Вотъ его текстъ.

«Доволенъ бываешь морякъ, когда послѣ нѣсколькихъ лѣтъ мореплаванія, выдержавъ многочисленныя, метавшія ихъ бури, онъ наконецъ достигнетъ желанной гавани. Веселье бываешь узникъ, когда, послѣ продолжительнаго заточенія, снимуть съ него оковы и возвратятъ ему свободу. Также доволенъ и я, испытавшій самыя странныя превратности судьбы, бѣдствія и случайности, когда увидѣлъ предѣлъ своего илѣненія,

¹⁾ Pamięć dzieł polskich, podróż i niepomyślne sukcesy polaków przez urodzonego Karola Lubiec Chojckiego. W Warszawie. 1789 roku. W drukarni wolnej.

продолжавшагося нѣсколько лѣтъ. Я рѣшился описать все свои походы, а также изобразить города и области, которые пришлось мнѣ посѣтить, и рассказать все приключенія, случившіяся не только со мною, но и съ моими товарищами. Такъ какъ я проѣхалъ до самой границы Европы и уланъ былъ въ Азію, болѣе чѣмъ за 500 миль отъ родины, то я рѣшаюсь описать и тѣ первѣдомые народы, которые мнѣ случилось встрѣтить на пути или среди которыхъ я проживалъ нѣкоторое время; я помѣщаю все свѣдѣнія, какія успѣлъ собрать объ ихъ обычаяхъ, бытѣ, нравахъ и религій. Мнѣ довелось быть на самой границѣ Китая, откуда оставалось въ Пекнигъ, столицу этого государства, не болѣе 300 миль; затѣмъ я проходилъ многія татарскія области, лежація уже за предѣлами Россіи, какъ-то киргизскую страну, Бухару, Хиву и Ташкентъ; я старался и здѣсь наблюдать нравы, бытъ и образъ правленія. Въ теченіи шести лѣтъ я служилъ въ русскомъ войскѣ, въ которое я былъ зачисленъ, находился въ походѣ противъ бунтовщика Пугачева и принималъ участіе въ нѣсколькихъ битвахъ. Притомъ я постараюсь изобразить судьбу моихъ товарищей и союзниковъ, припомнить количество тѣхъ, которые скончались въ плѣну, указать число бѣжавшихъ въ Китай, къ киргизамъ и въ другія татарскія земли, вспомнить тѣхъ, которые были убиты или ранены въ кампаніи противъ Пугачева и тѣхъ, которые остались навсегда въ военной службѣ въ Россіи, а также тѣхъ, которые присоединились къ православной церкви. Я полагаю, что слѣдуетъ обнародовать описаніе всехъ этихъ бѣдствій нашего народа для свѣдѣнія современникамъ и для памяти потомству».

Характеръ изложенія записокъ Хоецкаго весьма простой и безхитростный: Хоецкій передаетъ свои личныя впечатлѣнія по мѣрѣ того, какъ онѣ уцѣлѣли въ его памяти; онъ рассказываетъ все случившееся съ нимъ совершенно спокойно и объективно, не увлекаясь ни раздраженіемъ, ни страстью, сужденія его о случившихся съ нимъ событіяхъ безпристрастны и никогда не носятъ отпечатка личнаго чувства или озлобленія.

Хоецкій человѣкъ получившій, повидимому, весьма скромное образованіе и не отличавшійся большимъ развитіемъ, но за то онъ обладалъ большою долею наблюдательности и любознательности и не смотря на весьма неудобную для наблюденій обстановку, онъ, даже въ проѣздѣ на пути, успѣваетъ подмѣтить болѣе характеристическія черты быта странъ и народовъ, съ которыми судьба его привела въ столкновеніе. Конечно, наблюденія эти поверхностны; но врядъ-ли можно требовать болѣе подробнаго описанія отъ лица, находившагося въ той обстановкѣ, въ которую поставленъ былъ судьбою Хоецкій во время своего путешествія.

По временамъ въ запискахъ Хоецкаго встрѣчаются географическія ошибки и неточности, — обстоятельство это зависитъ отъ того, что авторъ не имѣлъ возможности дѣлать письменныхъ замѣтокъ и разсказалъ свои воспоминанія по памяти, послѣ возврата на родину; не удивительно потому, что мы встрѣчаемъ ошибки относительно разстояній между видѣнными имъ мѣстностями, относительно послѣдовательнаго географическаго ихъ порядка и т. п. Кромѣ чисто личныхъ воспоминаній Хоецкій сообщаетъ еще и тѣ свѣдѣнія, которыя онъ успѣлъ получить отъ другихъ лицъ. Впрочемъ въ этомъ отношеніи онъ ограничивается только свѣдѣніями или о болѣе важныхъ событіяхъ, случившихся въ Россіи во время его пребыванія, какъ-то: о чумѣ, о пугачевскомъ бунтѣ и т. п., или извѣстіями о своихъ соотечественникахъ, разсѣянныхъ въ различныхъ мѣстностяхъ восточной Россіи и Сибири, которыя онъ собиралъ особенно тщательно и аккуратно.

Все сочиненіе Хоецкаго раздѣлено на 10 главъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ отдѣльное заглавіе. Хотя только въ главахъ 1, 2, 3 и 10 авторъ разсказываетъ, какъ онъ, отправляясь въ ссылку и потомъ убѣгая изъ нея, прослѣдовалъ черезъ южную Русь: Волинь, Кіевъ, черниговскую область и новороссійскій край, по мы считаемъ не безполезнымъ предложить вниманію читателей «Кіевской Старины» всѣ главы сочиненія Хоецкаго, такъ какъ онѣ содержатъ историческія, географическія и этнографическія данныя не безынтересныя для обрисовки нѣкоторыхъ сторонъ быта и внутренняго состоянія восточной Россіи и Сибири.

В. А.

ГЛАВА I.

Объ отправкѣ въ пльнъ польскихъ конфедератовъ изъ Кракова въ Россію.

Въ 1768 году вслѣдствіе различныхъ интригъ возникло смятеніе въ нашей Рѣчи Посполитой, результатомъ котораго, какъ мы впоследствии убѣдились, испытавъ тяжелыя неудачи, было неизбежное и достойное вѣчнаго сожалѣнія бѣдствіе нашей страны. Въ это время воеводства краковское и сандомирское, а также земля саноцкая (еоставлявшая часть воеводства червонорусскаго) составили конфедерациі, по примѣру и образцу барской, направленныя противъ войскъ россійскихъ. Слабыя наши силы, состоявшія притомъ изъ людей совершенно не знакомыхъ съ военнымъ дѣломъ, поднявшіяся для борьбы съ могущественнымъ войскомъ,

искали опоры и защиты въ стѣнахъ города Кракова; но вслѣдствіе этого и самъ городъ испыталъ горькую участь, такъ какъ значительная часть его вѣстѣ со всѣми предметами сдѣлалась жертвою пламени, и наше конфедератское войско подверглось не меньшимъ бѣдствіямъ, ибо судьба, благоприятствовавшая россійскому войску, обезпечила его успѣхъ, низвергнувъ многихъ изъ насъ преждевременно въ могилу, другихъ же бросивъ въ продолжительную неволю. Мы выдержали осаду города и приступы къ нему въ теченіи десяти недѣль и, наконецъ, вслѣдствіе дурного устройства нашего войска и господствовавшего въ немъ безпорядка, а также вслѣдствіе неискренняго поведенія нѣкоторыхъ лицъ, вступившихъ въ сношенія съ непріятелемъ, мы были принуждены сдаться. Мы положили оружіе, выдали всѣ военныя принадлежности и ожидали рѣшенія нашей участи. Предводительствовавшій русскимъ войскомъ генераль графъ Апраксинъ подалъ намъ надежду, что мы будемъ отпущены на волю, когда подпишемъ отреченіе отъ конфедераціи; мы оставались въ городѣ, окруженные военною стражею, но имѣли право свободно ходить внутри городскихъ стѣнъ.

Послѣ истеченія двухъ недѣль, мы были призваны въ канцелярію краковскаго замка, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы подписать отреченіе; но оказалось, что ворота были отперты только для входа, выходить-же обратно никому не было дозволено. Мы вошли въ канцелярію съ готовностью подписать отреченіе, но не нашли въ ней никакихъ приготовленій для совершенія этого акта. Русскіе офицеры то входили, то уходили, но никто изъ нихъ не предлагалъ намъ писать отреченія; они лишь наблюдали, всѣ-ли мы собрались въ замокъ. Наконецъ, послѣ продолжительнаго ожиданія, явился плацъ-маіоръ и приказалъ намъ слѣдовать за нимъ изъ канцеляріи въ замокъ, объявивъ, что тамъ каждый изъ насъ получитъ билетъ для выѣзда изъ города. Мы слѣдовали за комендантомъ смущенные и исполненные сомнѣній. Такъ какъ мы составляли три отдѣльныя конфедераціи: краковскую, сандомирскую и сяноцкую, то насъ распредѣлили на три группы и каждую изъ нихъ препроводили въ отдѣльную комнату. Лишь только мы вошли, неожиданно появилась вооруженная стража; она заняла двери, стала у оконъ и окружила насъ со всѣхъ сторонъ. Мы до того были поражены этимъ распоряженіемъ, что не осмѣлялись вступать другъ съ другомъ въ раз-

говоръ, спрашивать о причинѣ или сообщать взаимныхъ впечатлѣній, ибо намъ казалось, что жизни нашей угрожаетъ неминуемая опасность; стража, окружавшая насъ, также не смѣла бесѣдовать съ нами; такимъ образомъ мы пребывали въ молчаніи и страхѣ съ 10 часовъ утра до 5 вечера. Плацъ-маіоръ, препроводившій насъ сюда, исчезъ тотчасъ, оставивъ насъ подъ охраною многочисленнаго караула; онъ возвратился лишь въ 5 часовъ, но уже и настроеніе его и инструкціи были измѣнены: онъ приказалъ намъ быть готовыми въ дорогу къ завтрашнему утру и распорядился, чтобы два человѣка изъ каждой группы отирались въ сопровожденіи сильнаго караула по квартирамъ, дабы собрать все нужное намъ для дороги; онъ прибавилъ притомъ, что, въ случаѣ, если что либо необходимое нужно будетъ приобщить къ нашему багажу, то слуги наши и солдаты (которые не были призваны въ замокъ вмѣстѣ съ нами) должны доставить эти вещи къ городскимъ воротамъ, черезъ которыя намъ опредѣлено было выступить на слѣдующее утро. Все случилось, какъ было приказано комендантомъ: наши посланные отправились на квартиры подъ бдительнымъ карауломъ и возвратились назадъ. Между тѣмъ, такъ какъ приближалась ночь, мы-же въ теченіи цѣлаго дня оставались безъ пищи, то въ каждую комнату для насъ принесли по два десятка хлѣбовъ, испеченныхъ изъ отвратительной муки, пополамъ съ мякивою, такъ что, не смотря на голодъ, никто изъ насъ не пожелалъ воспользоваться этимъ хлѣбомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ намъ доставили болѣе 10 кувшиновъ вина, довольно сноснаго, которымъ мы и подкрѣпили свои силы и, подавленные печалью, улеглись спать, какъ были одѣты, на кирпичномъ полу.

Количество плѣнныхъ, взятыхъ при сдачѣ города состояло болѣе чѣмъ изъ 400 человѣкъ пѣхоты, гусаръ и другаго наименованія солдатъ; сверхъ того насъ, шляхтичей и офицеровъ, было 260 человѣкъ, въ томъ числѣ и два конфедератскіе маршала: Чарнецкій—краковскій и Потоцкій, воеводичъ волынской—сандомирской. Мы съ нетерпѣніемъ и любопытствомъ ожидали слѣдующаго дня: въ пять часовъ утра вошелъ къ намъ тотъ-же плацъ-маіоръ и приказалъ выступать въ походъ, мы вышли толпою изъ замка и, миновавъ ворота, очутились между двумя шеренгами пѣхоты, на флагахъ которой стояли концы драгуны: сопровождаемые этими войсками, мы отправились въ уныніи къ город-

скимъ воротамъ, по ту сторону которыхъ нашъ конвой смѣненъ былъ новымъ, гораздо болѣе численнымъ, состоявшимъ изъ драгунъ и донскихъ козаковъ; подъ ихъ охраною мы отправились въ путь по отвратительной грязной дорогѣ. Наши паны маршалы ѣхали въ собственныхъ экипажахъ; cadaго изъ нихъ сопровождалъ русскій офицеръ, пе спускавшій съ глазъ плѣнника ни на минуту. Третій маршалъ (сапоцкій)—Броницкій, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, успѣлъ бѣжать изъ города послѣ его сдачи.

Въ этотъ день мы прошли нѣшкомъ четыре мили до корчмы прецлавской; хотя повозки были для насъ приготовлены, но онѣ двигались за нами безъ нужды, ибо никому не было дозволено помѣститься на нихъ; вѣроятно до перваго ночлега насъ проводили пѣшкомъ для посрамленія и въ знакъ презрѣнiя къ намъ. Достигши ночлега, мы расположились въ огромной конюшнѣ при корчмѣ, гдѣ для насъ была приготовлена въ большомъ количествѣ свѣжая солома; русскiе квартирмейстры позаботились также о нашей пищѣ: разставивъ насъ рядами, они раздавали каждому: ложку, хлѣбъ и вареную говядину, такъ что мы могли достаточно утолить голодь. Переночевавъ въ названной прецлавской корчмѣ, на другой день весьма рано мы поднялись въ дальнѣйшiй путь; насъ сразу усадили на приготовляемыя повозки, соображаясь съ количествомъ лошадей, запряженныхъ въ каждую, возмъ повозокъ ѣхали неотступно сопровождаемыя насъ драгуны и донскiе козаки. Наши гусары и другiе солдаты, которыхъ было болѣе 400 человекъ, какъ я уже о томъ упомянулъ, были отдѣлены отъ насъ, составили особую партiю и препровождались нѣшкомъ также въ сопровожденiи многочисленнаго конвоя. Проѣхавъ цѣлый день, мы остановились на ночь въ Шкальмиръ, гдѣ насъ помѣстили болѣе удобно, распредѣливъ въ три дома. Нѣкоторымъ изъ насъ разрѣшили отправиться въ городъ, изъ чего мы заключили, что приближается время облегченiя нашей участи. Мы не знали вовсе, куда насъ отправляютъ, и никто не умѣлъ назвать намъ мѣста нашего назначенiя; насъ утѣшали ложною надеждою, будто съ одной изъ стоянокъ на пути мы будемъ освобождены, и утѣшенiя эти сообщали намъ, пока мы не выѣхали изъ польскихъ предѣловъ. Такимъ образомъ мы двигались день за днемъ, пользуясь постоянно достаточнымъ провiантомъ. Каждое утро, передъ тѣмъ

какъ мы сѣдѣли на возы, насъ поименно повѣряли по списку; не смотря однако на всѣ предосторожности, каждый день оказывался недочетъ въ два или три человѣка, которые находили возможность ускользнуть, не взирая на весьма тщательные и численные караулы. Впрочемъ это удавалось не всѣмъ: двое плѣнныхъ, намѣреваясь бѣжать, спрятались на одномъ ночлегѣ подъ солому, но убѣжище ихъ было открыто и они понесли тяжелое наказаніе за свою попытку: ихъ раздѣли до нага и долго нещадно били палками, такъ что они едва остались живы

Слѣдуя такимъ образомъ изъ Кракова, мы проѣхали слѣдующіе города: Шкальмиръ, Иваниска, Сташевъ, Новое Мѣсто, Ошатовъ, Завихость, Закликовъ, Розвадовъ, Яновъ, Франкополь, Щебрешинъ, Замость, Варенжъ, Сокаль, Берестечко, Кременецъ и Заславъ, въ которомъ намъ разрѣшили двухдневный отдыхъ. На пути, кромѣ достаточнаго содержанія, получаемого нами по распоряженію русскихъ начальниковъ, польскіе помѣщики тѣхъ мѣстностей, чрезъ которыя мы проѣзжали, руководимые врожденнымъ человеколюбіемъ, присылали намъ обильное подаваніе, которое мы постоянно получали отъ неизвѣстныхъ намъ благодѣтелей. Отдыхая два дня въ Заславѣ, мы воспользовались остановкою для того, чтобы изготвить письма къ друзьямъ и родственникамъ, на ходатайство которыхъ о нашемъ освобожденіи мы могли падѣяться. Когда мы принялись за составленіе многочисленныхъ писемъ и стали вести оживленныя бесѣды, отовсюду раздавались горькіе упреки, направленные противъ тѣхъ лицъ, которые измѣною сдали и городъ Краковъ и насъ всѣхъ въ руки непріятелей. Воодушевившись общимъ разговоромъ, одинъ изъ насъ (вѣроятно самъ авторъ) почувствовалъ вдохновеніе и сталъ писать стихи на тему „объ измѣнѣ“; но едва начало стихотворенія было составлено, какъ явился караульный офицеръ; онъ отнялъ у насъ всѣ чернильницы, нѣкоторыя разбилъ, швыряя ими въ насъ, и запретилъ намъ рѣшительно вести переписку. Начатое стихотвореніе состояло въ слѣдующемъ: (въ подлинникѣ слѣдуютъ 24 стиха начатой сатиры, стихи весьма плохіе и напыщенные).

Отдохнувъ два дня въ Заславѣ, мы отправились оттуда въ мѣстечко Судылковъ, лежащее въ двухъ миляхъ отъ Заслава. Хотя повозки были для насъ приготовлены, но количество ихъ оказалось не-

достаточнымъ, командиръ-же нашъ, не обращая на это вниманія, приказалъ намъ тронуться въ путь; кто успѣлъ захватить мѣсто, тотъ пошѣстился на повозкѣ, большинство-же насъ отправилоть пѣшкомъ. Такъ какъ дѣло было утромъ, во время подобающее для молитвы, мы стали пѣть часы и окончивши ихъ, затынули молитвенную пѣснь Богородицѣ. Едва мы пропѣли четыре стиха, какъ увидѣли сильно тронувшее зрѣлище: маленькая птичка опустилась и сѣла на остріе копыя одного изъ конвойныхъ козаковъ и хотя копые сильно колебалось на ходу, птичка довольно долго держалась на немъ; солдаты спрашивали у насъ названіе этой птички, но мы не знали его, находя однако нѣкоторое сходство съ жаворонкомъ, мы назвали ее этимъ именемъ. Между тѣмъ въ половинѣ перехода насъ нагналъ обозъ новыхъ повозокъ, которые собралъ и отправилъ въ догонку за нами заславскій эконокъ; мы воспользовались ими и всѣ разсѣлись на возы, на которыхъ и пріѣхали къ ночи въ Судылковъ. Переночевавъ здѣсь, мы отправились дальше въ Каменку, а оттуда на ночь въ Полонное. На этомъ только ночлегѣ мы узнали достовѣрно, что насъ отправляютъ въ Кіевъ; извѣстіе это однихъ повергло въ отчаяніе, въ другихъ-же породило желаніе насильно освободиться изъ подъ стражи, но желаніе это оказалось тщетнымъ, ибо съ этого времени усилили нашъ караулъ, который постоянно окружалъ насъ столь тщательно, что мы изъ за него почти свѣта не видали. Въ Полонномъ къ нашей партіи присоединили 90 человекъ гайдамаковъ изъ запорожья, принимавшихъ участіе въ роковой рѣзнѣ въ Умани и содержавшихся до того времени въ тюрьмѣ въ Полонномъ. Въмѣстѣ съ ними мы отправились въ дальнѣйшій путь къ Кіеву. Мы проѣзжали разныя мѣстечка, въ которыхъ останавливались для ночлега, а именно: Чудиновъ, Котельню, Ходорковъ, Хвастовъ, наконецъ Калантырь, расположенный на самой границѣ двухъ государствъ; здѣсь мы видѣли польскихъ солдатъ, составлявшихъ пограничную сражу, но намъ не было дозволено говорить съ ними. Проѣхавъ границу, мы ночевали въ первомъ русскомъ городѣ, называемомъ Васильковъ; ночлегъ былъ здѣсь крайне мучительный, ибо, по недостатку-ли свободнаго помѣщенія въ этомъ городѣ, или съ тою цѣлью, чтобы выразить къ намъ презрѣніе, насъ заперли въ два хлѣва, устроенные для свиней; мы томились всю ночь, какъ вслѣдствіе досаждавшаго намъ зловонія, такъ и по причинѣ

страшной тѣсноты, отъ которой мы едва не задохлись. На другое утро послѣ этой злосчастной ночи, мы около 10 часовъ утра прибыли въ Кіевъ.

ГЛАВА II.

Пробываніе пльнныхъ въ Кіевъ.

Когда мы въѣхали въ Кіевъ, попадавшійся намъ на встрѣчу народъ разсматривалъ насъ съ любопытствомъ, какъ будто представителей народа неизвѣстнаго и никогда не виданнаго. Мы очень долго ждали у крѣпостныхъ воротъ, пока насъ допустили въ Печерскъ (такъ называется крѣпость); между тѣмъ дождь пополамъ со снѣгомъ обдавалъ насъ и усиливалъ сознаніе нашего горестнаго положенія. Мы пали духомъ и погрузились въ мрачное раздумье: сердце наше было удручено мыслью о томъ, что мы разстались съ отечествомъ, а страхъ и опасеніе за будущее были столь велики, что мы полагали, что нашей злосчастной жизни угрожаетъ опасность.

Наконецъ отворили ворота и мы въѣхали въ крѣпость; повозки остановились только предъ приготовленнымъ для насъ помѣщеніемъ. Это были казармы, построенныя для солдатъ. Когда возы наши остановились, намъ сдѣлали перекличку по списку и расирѣдѣли насъ въ казармахъ; въ каждой камерѣ помѣстили столько пльнныхъ, сколько она могла вмѣстить, т. е. 80—90 человекъ. Въ тотъ же день прибыли въ Кіевъ и несчастные товарищи наши, числомъ болѣе 400, которые весь путь изъ Кракова въ Кіевъ совершили пѣшкомъ по нашимъ слѣдамъ; они, подобно намъ, были размѣщены въ казармахъ.

Въ теченіи первыхъ двухъ сутокъ нашего заточенія намъ не доставляли вовсе пищи; такъ какъ у насъ отъ дороги не осталось никакихъ припасовъ, то мы претерпѣли сильнѣйшій голодъ и уже склонялись къ мнѣнію, что насъ намѣрены истребить голодомъ; но третьяго дня намъ роздали хлѣбъ и по 6 грошей каждому на прокормленіе. Эти пай мы получали потомъ изъ рукъ офицера ежедневно; впрочемъ рядовые солдаты наши получали только одинъ хлѣбъ, денегъ же для прокормленія имъ не отпускалось. Выдаваемый намъ хлѣбъ содержалъ, вслѣдствіе недобросовѣстности провіантскихъ чиновниковъ, огромное количество песку и хотя порціи были большія и по казенной оцѣнкѣ

каждая дневная порція должна была равняться стоимости 4 грошей, но мы ихъ продавали солдатамъ по одному грошу, ибо ѣсть этого хлѣба нѣкоимъ образомъ невозможно было. Когда начальство наше узнало объ этомъ, къ намъ явился плацъ-маіоръ и предложилъ намъ на выборъ: получать впредь хлѣбъ натурою, или-же вмѣсто хлѣба его стоимость деньгами—по 4 гроша на человѣка; мы всё попросили выдавать намъ деньги и съ того дня стали получать каждый по 10 грошей, а рядовые по 4 гроша.

Казармы, въ которыхъ мы помѣщались, были окружены бдительнымъ карауломъ; если кто изъ насъ выходилъ въ сѣни, его сопровождалъ вооруженный солдатъ. Вслѣдствіе скопления большого количества людей, мы страдали отъ затхлости воздуха и тѣсноты: не каждый успѣвалъ занять мѣсто для ночлега и иные должны были проводить ночь стоя и сильно томилъ отъ безсонницы; вслѣдствіе этихъ условій среди насъ развились изнурительныя болѣзни и многіе изъ нашихъ несчастныхъ земляковъ умерли. Къ намъ допускали торговковъ со съѣстными припасами, и мы могли покупать у нихъ пищу за деньги, которыя намъ выдавали. Маршалы наши имѣли помѣщеніе болѣе удобное, ибо имъ отвели для жительства какой-то дворецъ. Мы застали уже въ Кіевѣ 110 человѣкъ плѣнныхъ шляхтичей и кромѣ того конфедератовъ изъ помѣстій ея сіятельства княгини Сангушковой, которыхъ какой-то шляхтичъ, принявъ на себя ложную личину патріотизма, увлекъ въ конфедерацию, принялъ подъ свое начальство, а потомъ измѣнически предалъ русскимъ въ мѣстечкѣ Тоноровѣ. Гайдамаковъ привезенныхъ вмѣстѣ съ нами изъ Полоннаго, помѣстили въ тѣхъ-же казармахъ возлѣ насъ, но въ другихъ камерахъ. Мы ежедневно видѣли, какъ выводили по нѣсколько человѣкъ изъ ихъ числа, наказывали плутомъ, вырывали имъ ноздри, по существующему въ этой странѣ обычаю, и затѣмъ отправляли въ вѣчную ссылку.

Въ концѣ третьей недѣли нашего заключенія въ Кіевѣ, болѣзнь страшно усилилась въ занятыхъ нами камерахъ, ежедневно умирало отъ 5 до 8 человѣкъ; мы принуждены были проводить нѣсколько дней и почей совмѣстно съ трупами, пока успѣвали выпросить, чтобы ихъ прибрали; обстоятельство это было особенно тягостно по причинѣ тѣсноты. Я самъ, уже пораженный болѣзью, долженъ былъ провести три ночи

рядомъ съ трупомъ лежавшаго возлѣ меня товарища, Яна Кіянскаго; на третью ночь трупный запахъ сильно меня поразилъ и былъ поводомъ того, что болѣзнь моя страшно усилилась и надолго затянулась. Мы обязаны были хоронить мертвыхъ и копать имъ могилы, хотя сами были до того больны, что едва могли двигаться; болѣли-же мы всё безъ исключенія.

Въ это время 45 человекъ конфедератовъ были выпущены на свободу вслѣдствіе ходатайства о нихъ въ Варшавѣ ихъ друзей. Мы поздравляли ихъ съ неожиданнымъ счастьемъ и умоляли, прощаясь, чтобы они, послѣ возвращенія въ отечество, не забыли похлопотать и о нашемъ избавленіи. Они изпрощались съ нами и отправились исполненные радости въ обратный путь, мы-же остались удрученные горемъ и печалью.

Мы прожили въ Кіевѣ 13 недѣль; въ теченіи этого времени изъ числа болѣе 600 человекъ почти половина перемерла. Наконецъ мы узнали, что насъ приказано препроводить въ городъ Казань, лежащій въ 170 миляхъ отъ Кіева, уже въ азіатской части Россіи; расноряженіе это послѣдовало вслѣдствіе того, что Турція объявила войну Россіи. Совершенно для насъ неожиданно согнаны были подводы и командированы для эскорта козаки; насъ раздѣлили на партіи; въ той, къ которой я былъ причисленъ, находилось 180 человекъ. Затѣмъ явился плацъ-майоръ и, вызывая насъ по списку, усаживалъ по три человека на каждую повозку; поручикъ-же кіевскаго гарнизона, получившій начальство надъ конвойными козаками и притомъ сопровождаемый сержантомъ и десятью солдатами, принималъ насъ подъ свое начальство. Когда такимъ образомъ вся партія въ 180 человекъ усѣлась на сани, мы двинулись въ путь изъ Кіева среди страшнаго холода. Точно такимъ-же порядкомъ вслѣдъ за нами отправлены были и другія партіи плѣнныхъ.

ГЛАВА III.

Пересылка плѣнныхъ изъ Кіева въ Казань.

Когда мы отправились въ путь изъ Кіева въ Казань, стояли весьма сильные морозы и лежалъ глубокой снѣгъ. Мы были до того слабы, что едва душа въ насъ сохранялась, притомъ у насъ вовсе не

было теплою одеждою и потому холодъ причинялъ намъ страшныя мученія; мы ѣхали полу-живые. Поручикъ, подъ командою котораго мы гостояли, былъ человекъ добрый, разсудительный, обращающій вниманіе на наши нужды, опытный и самъ испытанный превратности судьбы; онъ обращался съ нами ласково и человеколюбиво; мы съ благодарностію цѣловали его руки, называли его отцемъ и благодѣтелемъ и умоляли оказывать намъ и впредь милосердіе и участіе. Онъ обѣщаль, когда выѣдемъ изъ Малороссіи, придумать средства для того, чтобы доставить намъ теплую одежду. Выѣхавъ изъ Кіева, мы ѣхали довольно быстро и остановились на ночь въ маленькомъ мѣстечкѣ Броварахъ, лежащемъ въ трехъ миляхъ¹⁾ отъ Кіева; здѣсь насъ размѣстили по по квартирамъ—по 10 человекъ плѣнныхъ въ каждомъ домѣ и по 5 козаковъ для ихъ охраны. Дома, въ которыхъ насъ помѣстили, были теплы и уютны такъ, что послѣ пути, продрогши на морозѣ, мы могли удобно отдохнуть. Подкрѣпившись ницею по возможности, мы улеглись спать; козаки, опасаясь, чтобы мы не бѣжали, отобрали у насъ для безопасности сапоги и спрятали ихъ, соображая весьма вѣрно, что въ виду страшнаго холода и мороза, никто изъ насъ не отважится бѣжать босикомъ.

Послѣ ночлега въ Броварахъ, мы отправились въ дальнѣйшій путь и, проѣхавъ на хорошихъ лошадахъ 6 миль, достигли передъ вечеромъ Козельца; въ этотъ день морозъ былъ значительно легче и холодъ насъ угнеталъ гораздо меньше. Въ Козельцѣ намъ позволено было отдохнуть въ теченіе слѣдующаго дня и разрѣшено выходить въ городъ для покупки провизіи въ сопровожденіи конвойнаго козака. Мы нѣсколько отдохнули въ теплыхъ квартирахъ и, пробывъ въ Козельцѣ двѣ ночи и одинъ день, отправились въ дальнѣйшій путь. Слѣдующую ночь мы провели въ селѣ Песовкѣ и затѣмъ отправились въ городъ Нѣжипъ, гдѣ назначенъ былъ слѣдующій ночлегъ. Здѣсь мы провели ночь весьма удобно; городъ этотъ благоустроенъ и многолюденъ; жители оказались очень человеколюбивы: не только хозяева отведенныхъ намъ квартиръ обращались съ нами ласково и прилично, но и другіе жители,

¹⁾ Авторъ считаетъ вѣзстоянія, измѣряя яхъ польскими милями—по 7 верстѣ въ каждой.

когда мы уѣзжали, обгоняли насъ на саняхъ, бросая намъ хлѣбъ ржаной и пшеничный и даяги. Мы были глубоко тронуты челоѡколюбіемъ этого народа, встрѣчая первый разъ со времени нашего заточенія признаки дружелюбнаго къ намъ отношенія жителей. Городъ Нѣжинъ хорошо обстроенъ; дома по большей части деревянные, но есть нѣсколько и каменныхъ; жители ведутъ обширную торговлю и среди нихъ есть много богатыхъ купцевъ частью грековъ, частью малоросіянъ. Въ Нѣжинѣ находится и католическая церковь, а при ней монастырь отцевъ капуциновъ; послѣдніе хотѣли посѣтить насъ, по это не было имъ дозволено. Слѣдующую ночь мы ночевали въ городѣ Батуричѣ, принадлежащемъ, какъ намъ сказывали князю Трубецкому¹⁾, красивый дворецъ котораго мы видѣли. Затѣмъ, отправившись въ дальнѣйшій путь, мы проѣзжали многочисленныя мѣстечка, переправились по льду черезъ рѣку Сеймъ²⁾ и миновавъ Королевецъ, пріѣхали въ Глуховъ, послѣдній городъ Малоросіи, въ которомъ намъ довелось ночевать. Это городъ довольно значительный, но окружающія оныя укрѣпленія: валъ и каменная стѣна, запущены и почти разрушены. Здѣсь мы встрѣтили пана Пценявскаго, старосту Трехтымировскаго, попавшаго еще раньше насъ въ нлѣнъ за участіе въ барской конфедерации и сосланнаго сюда въ заточеніе. Въ трехъ миляхъ отъ Глухова мы пріѣхали въ первое великороссійское село; намъ сказывали, что нѣкогда до этого мѣста простиралась граница кіевскаго воеводства, хотя оно лежитъ въ разстояніи 33 миль отъ Кіева. Мы остановились въ уномянutomъ селѣ на ночь, и встрѣтили совершенно для насъ новое народонаселеніе, рѣзко отличавшееся своими обычаями. Это настоящіе россіяне (москалы); они, по принятому обычаю, всѣ отпускаютъ бороды, ибо въ Россіи крестьянамъ запрещено бриться и только дворянамъ и мѣщанамъ это разрѣшается; вообще въ Россіи каждый житель одѣвается не по собственному усмотрѣнію, а согласно съ установленными для каждаго сословія предписаніями. Когда мы въѣзжали въ село, все почти его народонаселеніе сбѣжалось смотрѣть на насъ, какъ на зрѣлище; они насмѣхались надъ нами, бросали въ насъ снѣгомъ и комками нечистоты. Командовавшій конвоемъ

¹⁾ Очевидно Хоецкому замѣнила память и онъ замѣнялъ имя графа Разумовскаго, которому Батуричъ былъ пожалованъ въ 1764 г., именемъ князя Трубецкаго.

²⁾ Въ подлинникѣ вмѣсто Сейма по ошибкѣ названа Ока.

поручикъ. увидавъ это, соскочилъ изъ своего экипажа и, нанося имъ удары палкою по головамъ, разогналъ ихъ. Люди эти обращались съ нами недружелюбно и на квартирахъ: съ трудомъ они соглашались продать намъ что либо, а если и соглашались, то требовали непомятныхъ цѣны. Переночевавши въ этомъ селѣ, мы поѣхали дальше въ городъ Сѣвскъ. На пути насъ настигла и даже опередила другая партія нашихъ плѣнныхъ, вмѣстѣ съ которою мы ночевали въ Сѣвскѣ. Начальникомъ этой партіи былъ капитанъ кievскаго гарнизона, человѣкъ строгій и жестокий, поступавшій весьма круто съ плѣнными, которые странно жаловались на его обращеніе; онъ постоянно ругалъ ихъ и билъ нагайкою, неразлучно при немъ находившеюся; если кто-либо, по причинѣ болѣзни не могъ скоро взобраться на сани, немедленно получалъ удары нагайкою, капитанъ обзывалъ плѣнныхъ поляковъ данцигскими жидами и придумывалъ другія оскорбительныя ругательства.

Переночевавъ въ Сѣвскѣ, мы на другой день отправились въ дальнѣйшій путь; прежде выступилъ капитанъ съ своею партіею, а вслѣдъ за нимъ и мы. Нашъ командиръ поручикъ объявилъ намъ, что, такъ какъ мы уже вступили въ область великорусскую, то должны заняться пріобрѣтеніемъ полушубковъ; онъ посоветовалъ намъ съ этою цѣлью на каждомъ ночлегѣ стараться захватить тайно у хозяевъ три или четыре полушубка и прятать ихъ въ его экипажѣ. На другой день обыкновенно хлопы приносили ему жалобу и сельскій староста (такъ называются въ Россіи войты) отказывалъ въ выдачѣ нашему командиру росписки, или квитанціи въ томъ, что команда его вела себя безобидно по отношенію къ жителямъ; тогда поручикъ отдавалъ намъ всемъ приказаніе садиться на сани и мы выѣзжали за селеніе на дорогу. Здѣсь обозъ нашъ останавливался, поручикъ дѣлалъ намъ строгій выговоръ за дурное поведеніе и разрѣшалъ крестьянамъ произвести обыскъ въ нашихъ саняхъ; но когда они не находили въ нихъ похищенныхъ полушубковъ, то онъ изливалъ на нихъ свой гнѣвъ и приказывалъ солдатамъ подать палокъ и кнутовъ, чтобы расправиться за клевету на свою команду; тогда мужики, опасаясь наказанія, не только выдавали ему квитанцію, но и задабривали его довольно значительною суммою денегъ, въ офицерскомъ-же экипажѣ никто никогда не дерзалъ производить обыска; затѣмъ, отѣхавъ дальше, поручикъ отдавалъ полушубки тѣмъ, кто ихъ

добыль. Этимъ промысломъ мы занимались на каждомъ ночлегѣ, такъ, что пока мы прѣхали въ Казань, большая часть партіи была одѣта въ полушубки.

Слѣдуя по Великой Россіи, мы проѣзжали слѣдующіе города: Тулу, въ которой мы узнали, что въ 10 миляхъ отъ нея въ городѣ Калугѣ содержатся въ заточеніи нѣкогда арестованные на сеймѣ епископы, а также гетманъ польный коронный Ржевускій вмѣстѣ съ сыномъ; всѣ мы были глубоко опечалены, узнавъ о заточеніи этихъ знатныхъ сенаторовъ и патріотовъ нашихъ. Тула городъ довольно большой; всѣ дома въ немъ деревянные; весь городъ населенъ почти исключительно различными ремесленниками, изготовляющими оружіе для всей русской арміи. Намъ рассказывали, что въ Тулѣ живетъ такое количество мастеровыхъ, что они могли-бы въ 3 дня изготовить вооруженіе для 20,000 солдатъ. Переночевавъ въ Тулѣ, мы отправились въ городъ Каширь, а оттуда въ Муромъ; въ обоихъ городахъ этихъ мы ночевали; затѣмъ изъ Мурома мы ѣхали по льду Оки, рѣки широкой и значительной, въ городъ Нижній, гдѣ ночевали. Нижній лежитъ на берегу Волги и носить названіе губернскаго города, ибо въ немъ живетъ губернаторъ; это уже на пути нашемъ была третья губернія—ибо прежде мы слѣдовали по губерніямъ кievской и московской. Въ Нижнемъ много каменныхъ домовъ, но еще больше деревянныхъ; городъ этотъ славится своею торговлею и судоходствомъ, въ немъ много зажиточныхъ жителей и богатыхъ купцовъ; и вообще мѣстоположеніе города весьма удачно выбрано, благодаря особенно его очень удобной гавани. Переночевавъ въ Нижнемъ, мы проѣхали мѣстечко Чебоксары, нѣсколько селъ и городъ Свияжскъ, лежащій въ 3 миляхъ отъ Казани, и наконецъ прибыли въ этотъ послѣдній городъ около перваго часу по полудни.

В. А.

(Продолженіе слѣдуетъ).